

Жанна РАКОВА (г.Мытищи Московской обл.) **КРОКОДИЛ**



Эта мистическая история началась воскресным утром. Ей предшествовала череда событий, о которых обязательно нужно рассказать, так как без них никакой мистики и не было бы.

...Мама, как обычно в выходной, занималась уборкой. Мы с сестрой вечно крутились у неё под ногами, поэтому на время приведения в порядок того хаоса, который образовывался за неделю, она отправляла нас на улицу.

Но вот надо ж так было случится, именно этим утром ей пришла в голову мысль, что мы уже достаточно взрослые, чтобы самостоятельно отправиться в магазин. То, что нам предстояло сделать, в моем понимании приравнивалось к полету на Луну и то последний мне представлялся более реальным и простым. Батон белого, половинка черного, два пучка зелени и пучок морковки — видите, я до сих пор помню перечень продуктов! Это неудивительно, я выучила его как «отче наш», и по дороге мысленно повторяла скороговоркой.

Вручив мне, как старшей, один рубль, мама еще раз повторила последовательность совершенно невыносимых для моего понимания действий. Сестренку распирали гордость от того, что она идет в магазин, даже мое присутствие ее ничуть не смущало, подумаешь, так даже лучше, ведь самой-то ей делать ничего не придется. Просто прогуляться за компанию. Она трещала как сорока всю дорогу, мешая мне сосредоточиться, я не слышала, что именно она говорила, в моей голове звучала одна единственная фраза — «батон белого, половинка черного, два пучка зелени и пучок моркови». Зелень с морковкой продавались на базаре, находившемся рядом с булочной. На первый взгляд, ничего сложного: зайти в хлебный отдел, купить хлеб, выйти, подойти к прилавку и сказать, что нужно. К счастью, за хлебом была небольшая очередь. Выбрав самый поджаристый батончик и половинку черного хлеба, мы приближались к кассе. Кассирша пробила чек, и я, разжав кулак, в котором прятался взмокший от моего волнения рубль, стряхнула его на блюдце для мелочи. Кассирша, вздохнув, принялась его разворачивать. Ну а мы с сестрой направились к выходу. Не могу понять, почему нас сразу никто не остановил, а может мы действительно, как говорила впоследствии кассирша, не слышали, как вся очередь кричала нам вслед: «Девочки!! А сдачу?!». Только мы уже подходили к небольшому базару, где на деревянном прилавке расположились частники с овощами и зеленью, выращенными на собственном огороде.

И тут меня как током ударило. На всю длину прилавка жирно так, мелом было написано: «Журтова+Ефремов=Любовь». Мне хотелось провалиться сквозь землю. Поселок был маленький, и все прекрасно знали, о ком тут шла речь. «Вот наглость, — подумала я, — опять Женька написал, а все, наверное, потому, что снова не разрешила ему тащить мой портфель, и ему пришлось, как обычно, довольствоваться мешком со «сменкой». Ни о какой морковке я уже думать не могла. Это еще хорошо, что мама сама не пошла за хлебом, а то увидела бы весь этот ужас. Лично меня эти надписи уже не особо трогали, ими был исписан весь наш подъезд. Но вот мама!! Маме эти художества совсем не нравились. И каждый раз она выдавала мне ведро с водой, порошок и тряпку. Стена в подъезде уже стала похожа на шкуру леопарда, только синего с голубыми пятнышками. Да и в подъезде все было гораздо мельче. А тут!! Я как в бреду произнесла:

— Нам, пожалуйста, два пучка зелени и пучок морковки.

— Да какие вы умнички, уже маме помогаете, — приторным голосом отозвалась женщина за прилавком.

Положив перед моим носом заказанное, она вопросительно уставилась на нас. Я, совершенно не понимая, что ей еще от нас нужно, потянулась за овощами.

— Сорок копеек с вас девочки, — вдруг сказала она.

Я с недоумением посмотрела на нее:

— А у нас уже нет денег, мама дала нам только одну бумажку, и мы ее там отдали уже, — я показала пальцем на булочную, — только без зелени и моркови мы не можем придти домой, нас мама ругать будет.

— Да дай ты им зелень!! — сердобольно вклинилась в разговор торговка луком, — это ж дочки Аллы Николаевны.

Все женщины нашего поселка знали нашу маму, она была единственным акушером-гинекологом в маленькой поселковой больнице.

— Ладно, дам вам петрушку, а морковь дорогая, за нее нужно деньги платить. И маме своей передайте, что пусть сама приходит, раз вас не научила, что за все платить надо.

Мне почему-то очень не понравилось, как она это сказала, тем не менее, делать было нечего, пришлось довольствоваться одним пучком петрушки.

— Жанн, а это не про тебя ли тут написано? — хохотнула торговка луком.

Не помня себя от негодования, я схватила этот злосчастный пучок и рванула что есть сил с этого проклятущего места. Сестра догнала меня уже у подъезда.

Сложив нашу добычу на кухонный стол, я отправилась в комнату. Усевшись с ногами на диван и подперев подбородок коленями, я «спряталась». Сколько времени прошло не помню, только ноющий голос сестры вернул меня в действительность.

— Во-от она-а-а.....Это все она-а-а, я ничего не делала...

Инка опять редела во весь голос. Я редко плакала, и потому мне было совершенно непонятно, откуда у нее столько слез по любому поводу.

Мать, недосчитавшись пучка зелени и морковки, стала пытаться младшую дочь, а та, смекнув, что что-то тут не то, тут же перевела все на меня, как обычно она делала в таких ситуациях.

— Жанна, а где остальное?

— Нам не дали, — безучастно произнесла я.

— Как не дали? Почему?! Не было что ли? — раздраженно спросила мать.

— Да было все. Просто тетенька сказала, что морковка дорогая, и она нам ее не даст, — я еще не понимала, почему мать сердится, но тон ее меня уже настораживал.

— Что-то я ничего не понимаю, вы что, не заплатили? Она вам что, просто так дала

зелень?

— Да, — и тут я поняла, что все очень плохо.

— Что?????!!!

Мать в халате выбежала на улицу. Мы с сестрой метнулись на балкон и наблюдали, как она, теряя по дороге тапочки, быстрым шагом, сменяющимся короткими перебежками, направлялась к магазину. Ее долго не было. Инка снова начала ныть. Наконец-то дверь булочной открылась, и мама с кассиршей направились к базару, слышно было, как они смеялись. Торговки на базаре оживленно галдели. Та, что пожалела нам морковь, отчаянно жестикулируя, изображала, как мы попрошайничали. Мать хохотала. Тут мы с сестрой окончательно успокоились и занялись каждый своим делом.

Только вот, когда хлопнула входная дверь, мне стало не по себе. Я, еще не видя матер и, почувствовала такой неприятный холод внутри, по телу пробежали мурашки, и на мгновение показалось, будто я одна в темном лесу, а вокруг ни души. Инка ковырялась в кубиках, пытаясь построить очень высокую башню. Башня то и дело падала, Инка злилась, швыряла кубики, видимо таким образом она пыталась заставить их стоять ровно.

Войдя в комнату, мать, ни слова не говоря, взяла меня за руку и потащила на кухню. Там она подробно и как-то очень неприятно стала объяснять мне, что такое сдача и как надо было распорядиться тем единственным бумажным рублем. Я, честно говоря, тогда так и не поняла, как на одну бумажку можно было купить много всего.

— Теперь тебе понятно? — спросила мама, глядя мне прямо в глаза.

— Да, — тихо соврала я, понимая, что если скажу «нет», она снова начнет мне объяснять то, что для меня являлось на тот момент запредельным знанием, и мне совсем не хотелось его получать.

— Ладно, а теперь ответь мне, ты видела, что написано на базаре, а?.. Кто на этот раз?
— Она не на шутку разозлилась. — Ты что, не понимаешь, все смеются уже, я на улицу не могу спокойно выйти. Ладно весь подъезд исписан, так теперь еще не легче... твоё имя, точнее моя фамилия... даже нет, фамилия моей малолетней дочери красуется на заборе!!

Я не понимала, как вдруг она переименовала базар в забор, но слушать это все мне было неприятно.

— Ты хоть знаешь, про кого пишут на заборах??

Я, конечно же, этого не знала. Я вообще уже ничего не понимала. Мне хотелось, чтоб меня оставили в покое. Все это внимание к моей персоне настолько раздражало меня иногда, что я вела себя в такие моменты просто отвратительно. Я игнорировала любое проявление симпатии в свой адрес, причем это касалось не только мальчиков, но и девочек, а также всех знакомых взрослых. Девочки обижались, каждая хотела, чтоб я дружила только с ней, меня же такой расклад совсем не устраивал. С одной стороны, я не понимала, зачем мне себя так ограничивать, а с другой — мне вообще ни с кем не хотелось дружить так, как мне навязывали дружбу, со всеми её атрибутами и дурацкими, на мой взгляд, ритуалами.

Поэтому с девочками я дружила плохо, компания мальчиков устраивала меня гораздо больше. Исключения составляли ухажеры, с ними тоже надо было как-то по-особенному общаться, поэтому они не входили в число просто друзей. Их я тоже избегала, как могла.

— Так, держи, — мать поставила передо мной детское пластмассовое ведро с водой и сунула в руки тряпку, — иди и отмывай, раз не хочешь говорить, кто это сделал.

Мне самой было интересно, кто же это так меня подставил, и вместо того, чтоб идти в лес печь картошку с мальчишками, я должна была отмывать чьи-то художества.

Во дворе меня уже ждали.

— Ну и кто это сделал? — глянув исподлобья, тихо спросила я.

— Откуда мы знаем, может Киса сам и написал. Давай к нему сейчас пойдём и морду ему набьём.

— Да? Ладно. Только мне надо отмыть сначала это все.

— Ну уж нет, — возмутился Сашка, — мы же в лес хотели идти. Пусть он сам и отмывает.

Мы направились к дому Олега. Киса... Кто его так назвал?? Мальчишки спрятались под лестницей, а я первый раз позвонила в дверь своего ухажера. Олег был так обескуражен, что от неожиданности, открыв дверь, тут же захлопнул её перед моим носом. Через некоторое время он вышел из квартиры и, удивленно уставившись на меня, заикаясь, произнес:

— Ты, ты зашла за мной г-гулять?

— Ага, пойдём! — нарочно громко ответила я.

Пацаны захихикали.

— Кстати, это тебе, — я поставила перед ним ведро с водой и сунула обезумевшему Кисе в руки тряпку.

— Зачем мне тряпка? — Олег смотрел на меня и ничего не понимал.

Мне на минуточку показалось, что он тут не причем. Но я не успела дать этой мысли окрепнуть. Из-под лестницы с криками вылетел Сашка и начал орать.

Мне уже совсем не хотелось идти с ними в лес.

— Уходите отсюда, — тихо сказала я, но меня услышали. — Подождите меня на улице, а лучше идите без меня.

— Ну-ну, — засмеялся Сашка, — пошли, пацаны, тут любовь . А ты, Жанка, если передумаешь... Знаешь, где нас искать, только без этого своего приходи.

... Позже я узнала, кто это написал, он сам рассказал мне. На него никто и не подумал бы никогда. А он таким образом решил мне отомстить за то, что я не обращаю на него никакого внимания. Улизнув из дома в одиннадцать вечера в одних трусах и майке, он старательно выписывал каждую букву. В темноте ему казалось, что будет не видно, поэтому мела он не жалел. По прошествии времени мы вместе хохотали над его ночным приключением. И как он босиком топал по улице ночью, и как утром его мама, увидев грязные пятки, решила, что ее сын лунатик и ходит по ночам.

... Я поняла вдруг, что Киса не виноват, и, схватив ведро, пошла к базару. Олег выбежал за мной. Когда он увидел, что там было написано, то стал судорожно тереть прилавок сухой тряпкой. Вода, кстати, мало чем нам помогала. Краска на деревянном прилавке потрескалась от жары, и ее частички впивались под ногти. Этот наш трудовой десант только ухудшил положение. Прилавок стал окончательно грязным, а белые разводы отвратительно смотрелись на его фасаде.

Тут я увидела сестру. Она сообщила, что нам только что привезли два ящика клубники и мама зовет меня домой.

Даже не взглянув в сторону Олега, я побежала за сестрой. Запах в квартире стоял обалденный. Я в один миг забыла о случившемся, и мы с сестрой уселись на кухне в ожидании, когда мать начнет перебирать ягоды на варенье.

— Инна мне поможет, — сказала мать, войдя на кухню. — А ты наказана.

Я вопросительно посмотрела на нее.

— И не надо на меня так смотреть. Я была сейчас на базаре. То, что вы там натворили, это же ужас! Теперь мне его красить придется. Отправляйся в кладовку и подумай, почему у тебя вечно все происходит не как у нормальных людей.

«Вот интересно, — подумала я, — кто-то написал, а я стой за него в кладовке».

... Темная комната, так еще называли кладовку. Там были сделаны стеллажи из фанеры, на которых хранились коробки с новогодними игрушками, ёлка, старые журналы «Новый мир», газеты и еще какое-то барахло. Для нас с сестрой была выделена полка, где стояли, лежали, иногда валялись как попало игрушки.

Пластмассовый крокодил Гена, казалось, выражал полное презрение ко мне, стоя спиной. Я бросила ему в спину гневный взгляд и прошипела:

— Я не виновата, и ты прекрасно это знаешь. И нечего стоять ко мне спиной, будто ты тоже думаешь, что я в чем-то виновата.

Того, что произошло в следующий момент, я не могу объяснить и до сих пор. Только крокодил... повернулся.

— А-а-а..... — у меня даже дыхание остановилось.

Он еще и что-то сказал. И в его пластиковых глазах будто искорки блеснули. Я явственно слышала: «Я тебе верю». Протянув руку, чтобы взять крокодила, я тут же ее отдернула. Вот это да! И как им теперь играть? А крокодил стоял и улыбался. Он говорил, что мама погорячилась, и скоро поймет это и придет за мной, просто Инка, как обычно, с перепугу оговорила меня, лишь бы самой не пострадать. Я засмеялась. Мне стало так легко и совершенно все безразлично. Я смеялась так громко, что прибежала мать.

— В чем дело? Что смешного?

Я проглотила смех и ответила:

— Мам, а крокодил — живой. Он мне все-все рассказал: и что ты сейчас придешь, и что Инна — ябеда.

— Так. С меня хватит! — в сердцах воскликнула мать. — Сколько можно молоть ерунду! То у нее вороны в гости ходят, то звери разговаривают... теперь игрушки... Жанна!! Очнись!

Мне стало грустно, она мне опять не верила.

— Ладно, выходи, пойдем клубнику перебирать...

Я одними глазами попрощалась с крокодилом и вышла из кладовки. За спиной я почувствовала движение воздуха. Как будто кто-то сильно хлопнул дверью. Тогда я не придала этому значения.

Позже я неоднократно приходила и подолгу сидела в кладовке, умоляя крокодила пошевелиться. Но он больше не поворачивался.